

Э. В. Рунг

ПРАКТИКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЛИ И ВОДЫ В ГРЕКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Практика требования земли и воды стала на рубеже VI–V вв. до н.э. наиболее распространенным средством дипломатического давления на греков. Общепринято считать, что в основе взаимоотношений царя со своими подданными в Персидской державе находился традиционный обычай дарообмена¹. Практика дароприношения существовала в Ахеменидской державе еще до податной реформы Дария I (Herod. III. 89), которая в большинстве случаев заменила добровольные дары четко фиксированной данью². Однако даже после этой реформы некоторые народы продолжали приносить персидским царям определенные дары, о чем свидетельствуют как письменные источники, так и рельефы царского дворца в Персеполе. Символическое предоставление от различных племен и народов земли и воды как знаков покорности является, таким образом, своего рода отражением традиционного обычая дароприношения, присущего социальным институтам Ахеменидской державы. Первые сведения о персидском обычае требовать землю и воду относятся еще к периоду, предшествующему Греко-персидским войнам, и этот обычай дает о себе знать при обращении к разным аспектам персидской внешней политики в конце VI – начале V в. до н.э.

Современные исследователи относительно мало внимания уделяли рассмотрению практики требования / предоставления земли и воды; чаще всего они ограничивались краткими суждениями о земле и воде как о символах подчинения власти Персии³. Тему «земли и воды» специально исследовала

* Хочу выразить благодарность моим коллегам за высказанные пожелания в ходе обсуждения основных положений данной статьи: в Казани – О.Л. Габелко, в Москве – А.А. Немировскому и И.Е. Сурикову.

¹ *Sancisi-Weerdenburg H.* Gifts in the Persian Empire // *La Tribut dans l'empire perse: Actes de la Table ronde de Paris 12–13 Decembre 1986* / Ed. P. Briant, C. Herrens Schmidt. P., 1989. P. 140–141; *Mitchell L.G.* Greek bearing Gifts. The Public Use of Private Relationship in the Greek World, 435–323 BC. Cambr., 1997. P. 111–113.

² *Sancisi-Weerdenburg.* Gifts in the Persian Empire. P. 140; *Balcer J.M.* Ionia and Sparta under the Achaemenid Empire, the Sixth and Fifth Centuries B.C. Tribute, Taxation and Assessment // *La Tribut dans l'empire perse...* P. 2–3.

³ См., например: *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates: Greek History and Civilization During the 6th and 5th Centuries BC. L.–N.Y., 1973. P. 133; *Sealey R.* A History of the Greek City-States ca. 700–338 B.C. Berkeley, 1976. P. 181, 200; *Cartledge P.* Sparta and Laconia. A Regional History. L., 1979. P. 129; *Lazenby J.* The Defence of Greece, 490–479 BC. Warminster, 1993. P. 45; *Doenges N.A.* The Campaign and Battle of Marathon // *Historia*. 1998. Bd 47. Ht 1. S. 2; *Bederman D.J.* International Law in Antiquity. Cambr., 2001. P. 55. См. Рунг Э.В. Персидские требования земли и воды и позиция греков // Историческое знание: Теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции. М., 2006. С. 338–341.

Э. Курт, которая заметила, что «явление, которому нет объяснения, обязательно само поднимает проблему»⁴. Э. Курт пришла к некоторым весьма важным выводам. Во-первых, она отмечала, что для персов этот обычай означал возможность расширить свою империю без военных действий – избежать войны⁵. Во-вторых, греки, которые предоставили землю и воду, как далее замечает автор работы, ожидали остаться незатронутыми персидским вторжением. Еще далее развивает ее мысль Э. Кивни который замечает: «Земля и вода означали различные вещи для разных людей. Для самих персов они означали установление господства и право накладывать обязательства. Для людей, подобных Алевадам (представителям фессалийской аристократии. – Э.Р.), они могли означать помощь против врага. Для некоторых других греков они были не более чем политикой выживания (an insurance policy). Они были предоставлены в надежде умиловить персов и в ожидании, что те не будут вмешиваться далее в их дела»⁶. Суждения Э. Курт и Э. Кивни демонстрируют реальное значение процедуры требования / предоставления земли и воды в политике как персов, так и греческих полисов. Вполне понятно, что греки, предоставившие землю и воду персидскому монарху, попадали в категорию царских подданных – «рабов царя»⁷, а не союзников. Таким образом, с точки зрения греков, предоставление земли и воды означало добровольное подчинение Великому царю Персии и утрату полисной свободы.

* * *

Практика требования / предоставления земли и воды не находит соответствующих параллелей в истории держав древней Месопотамии первой половины I тыс. до н.э., прежде всего Новоассирийского, Нововавилонского и Мидийского царств, на основе которых возникла Персидская империя. Однако, схожая практика могла быть зафиксирована в Эламе, если верна интерпретация В. Хинцем одной надписи Шутрук-Нахунте I (1185–1155 гг. до н.э.), согласно которой царь доставил из покоренной страны в Сузы землю, воду и огонь как символы подчинения⁸. Тем не менее остается открытым вопрос о том, была ли эта практика заимствована или же имела исконно персидские корни. Так, например, Л. Орлин рассматривает значение земли и воды в рамках религиозной доктрины зороастризма, где «земля» и «вода» олицетворяют собой две из четырех природных стихий. Так что, как считает исследователь, греки, которые выразили готовность подчиниться Персии, были склонны предложить «естественные материалы» (the natural materials) в качестве предварительного условия для заключения соглашения⁹. Э. Курт также говорит о типично иранских корнях обычая, однако она обращает внимание на сообщение

⁴ Kuhrt A. *Earth and Water // Achaemenid History / Ed. A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg. Vol. 3: Method and Theory. Leiden, 1988. P. 87–99.*

⁵ Геродот при подходящем случае подчеркивает, что Дарий I и Ксеркс рассчитывали покорить весь греческий мир без «большой войны» (*Herod. VII. 146–147*).

⁶ Keaveney A. *The Medisers of Thessaly // Eranos. 1995. Vol. 93. P. 34.*

⁷ На это обстоятельство справедливо обратил внимание Э. Бэдиан (*Badian E. Herodotus on Alexander I of Macedon: A Study in Some Subtle Silences // Greek Historiography / Ed. S. Hornblower. Oxf., 1996. P. 108–109*).

⁸ Хинц В. *Государство Элам. М., 1977. С. 122.*

⁹ Orlin L.L. *Athens and Persia ca 507 B.C.: A Neglected Perspective // Michigan Oriental Studies in Honor of G.G. Cameron. Ann Arbor, 1976. P. 265–266.*

армянского автора Фавста Бузанда, где описываются меры, направленные персидским царем сасанидского Ирана Шапуром II (310–379 гг. н.э.) на то, чтобы выяснить можно ли доверять своему прежде мятежному подданному армянскому царю Аршаку, когда он приносит свои клятвы верности¹⁰.

Действительно, Фавст сообщает, что половина палатки, в которой два правителя должны были встретиться для церемонии принесения клятв, была покрыта землей и водой из Армении; затем персидский царь должен был наблюдать за речью армянского правителя. В результате всякий раз, когда армянский правитель стоял на своей собственной «родной земле и воде», он всегда говорил правду (т.е. его неподчинение и ненадежность стали очевидны), а когда он стоял на царской почве, он выказывал повиновение и раболепие (Faustus. IV. 54). Это сообщение подчеркивает, что в представлении персов «родная» земля и вода имели особое символическое значение и мотивировали поступки людей. Ее предоставление в качестве знака подданства могло быть равносильно клятве в верности¹¹. Конечно, трудно сказать с определенностью, требовали ли Ахемениды клятвы верности на «своей земле и воде» подобно тому, как этого потребовал Шапур от своего подданного Аршака, или ограничивались получением земли и воды как традиционного дара.

Символическое значение дароприношения земли и воды очевидно. Об этом свидетельствует и хрестоматийный пример поступка спартанцев, сбросивших глашатаев Дария I в колодезь и велевших им оттуда принести землю и воду (Herod. VII. 133). Геродот говорит, что в 481 г. до н.э. персидские глашатаи возвратились из Греции, одни с пустыми руками, другие несли землю и воду (Herod. VII. 131). Выражение здесь οἱ φέρουτες δὲ γῆν καὶ ὕδωρ довольно показательно: оно означает, что посланцы царя Персии несли своему господину то, что могло быть расценено как знаки покорности¹². Наконец, и сиракузский тиран Гелон, занимая выжидательную позицию во время похода Ксеркса, направил в Дельфы Кадма, сына Скифа, повелев ему в случае персидской победы принести царю не только сокровища, но и землю и воду от подвластных ему городов (Herod. VII. 163). Персы не исключали и некой иносказательности при приношении и интерпретации даров, и лучше всего об этом свидетельствует эпизод, который произошел еще во время скифского похода Дария I. Из рассказа Геродота видно, что персидские монархи могли посчитать знаками покорности не только принесенные глашатаями землю и воду, но и все то, что связано с этими природными стихиями (IV. 132).

В схолиях к драме Эсхила «Персы» содержится довольно любопытная информация о процедуре получения глашатаями земли и воды от греков. По данным составителя схолий, Дарий I после неудачи экспедиции Мардония «послал афинянам корзину, чтобы туда принять от них землю и воду и быть повелителем земли и моря» (ἐπέμψεν Ἀθηναίοις σπυρῦδα, γῆν καὶ ὕδωρ αὐτῶν ὡς δῆθεν ἐντεῦθεν δόξα γῆς καὶ θάλαττα εἶναι κύριος) (Schol. Aesch. Pers., hyp. 8). Нет причин, чтобы усомниться в достоверности этого сообщения, которое демонстрирует, что земля и вода были среди обычных даров персидскому царю, но с особым символическим значением: выражением подданства. На релье-

¹⁰ Об этих событиях: *Dodgeon M.H., Lieu S.N.C. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363): A Documentary History. L., 1994. P. 211 ff.*

¹¹ *Kuhrt. Earth and Water. P. 98.*

¹² *Balcer J.M. The Persian Conquest of the Greeks 545–450 BC. Konstanz, 1997. P. 205.*

фах ападаны (зала аудиенции) в царском дворце Персеполя присутствуют сцены, на которых, как обычно считают, изображены представители различных народов, приносящих дары и подати царю Персии¹³. Среди приносящих дары Ксерксу часто изображены люди с двумя небольшими чашами. Резонно предположить, что эти представители, находившиеся в составе делегаций, приносят царю Персии не что иное, как землю и воду в качестве знаков подданства. В этой связи следует упомянуть сообщение греческого историка IV в. до н.э. Динона Колофонского о том, что персидские цари хранили в своей сокровищнице в Сузах, наряду с прочим, воду, привезенную из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах и могуществе Персидской державы (Dinon FgrHist. 690. F. 23b = Plut. Alex. 36). Однако использование земли и воды в ритуале принесения клятв верности персидскому монарху также представляется вполне возможным. Именно в этом ключе можно интерпретировать заявление Геродота о том, что всякий раз, когда Великий царь Персии выступал в поход, он брал с собой серебряные сосуды с водой из реки Хоаспа, на которой были расположены Сузы; эти сосуды везли за царем множество четырехколесных повозок (Herod. I. 188; ср. Ctesias FgrHist. 688. F. 37 = Athen. II. 23). «Отец истории» объясняет это тем, что царь во время похода пил только эту воду из Хоаспа ввиду ее особых природных качеств. Однако можно ли Геродоту доверять в этом вопросе, и не нужна ли была вода из Хоаспа для процедуры принятия клятв от покоренных народов? Диодор (IX. 35. 3) сообщает, что еще Кир Великий в 545 г. до н.э. потребовал от послов греческих полисов Малой Азии принесения каких-то клятв верности, которые бы означали подчинение персидскому монарху не как союзников, но как «рабов». Относительно недавно Дж. Ненчи предложил довольно простое объяснение значению земли и воды – предоставившие землю и воду должны были признавать превосходство персидского царя на земле и на море (именно так ее могли понимать и греки)¹⁴. Подобным образом, например, в договорах Пелопоннесского союза его участники признавали гегемонию Спарты на суше и на море¹⁵. В целом же можно предположить, что если для персов земля и вода действительно могли иметь некоторое символическое значение, как показывает сообщение Фавста Бузанда, то для греков предоставление земли и воды могло означать как раз безусловное подчинение власти Великого царя на земле и на море.

¹³ О дароприношении на рельефах ападаны см. *Vogelsang W.J. The Rise and Organization of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence. Leiden–New York–Köln, 1992. P. 147–160; Sancisi-Weerdenburg. Gifts in the Persian Empire. P. 136–137; Kuhrt A. The Achaemenid Persian Empire (c. 550-c. 330 B C E): Continuities, Adaptations, Transformations // Empires: Perspectives from Archaeology and History / Ed. S.E. Alcock, T.N. D’Altroy, K.D. Morrison, K.N. Sinopoli. Cambr., 2001. P. 106.*

¹⁴ *Nenci G. La formula della richiesta della terra e dell’acqua nel lessico diplomatico ache-menide // Linguaggio e terminologia diplomatica dall’antico oriente all’impero bizantino. Atti del Convegno Nazionale, Genova 19 Novembre 1998. Serta Antiqua et Mediaevalia IV / Ed. M.G.A. Bertinelli, L. Piccirilli. Roma, 2001. Passim.*

¹⁵ *Bolmarsich S. Thucydides 1.19.1 and the Peloponnesian League // GRBS. 2005. Vol. 45. № 1. P. 17, 22–23.*

По отношению к периоду завоеваний Кира и Камбиза отсутствуют сведения о требовании персами земли и воды. Объясняется ли это простым недостатком информации, или же само явление распространилось только в более поздний период и может в полной мере ассоциироваться с имперской политикой Дария I – этот вопрос не может быть разрешен в силу отсутствия данных (хотя опять же, иранские истоки этого обычая говорят скорее в пользу его существования уже со времени Кира)¹⁶. Во всяком случае все эпизоды требования земли и воды относятся только к периоду правления Дария I и Ксеркса; из них один связан со скифским походом Дария I (Herod. IV. 132); другой заявлен в связи с подчинением персами Македонии еще при Аминте I (Herod. V. 17–18); в третьем случае требование земли и воды было предъявлено афинским послам, добивавшимся союза с Персией в 507 г. до н.э. (Herod. V. 73); и наконец, в четвертом, персидские цари Дарий I (в 492/1 г. до н.э. Herod. VI. 48–49; VII. 32, 133) и Ксеркс (в 481 г. до н.э. Herod. VII. 32, 132–133; Diod. XI. 2. 3; Paus. III. 12. 7; Plut. Them. 6) направили своих глашатаев (οἱ κήρυκες) в Грецию с требованием земли и воды (γῆς καὶ ὕδαρ) в качестве одного из мероприятий подготовки к военному походу против греков. Всего несколько эпизодов, в которых фигурирует требование земли и воды, делает необходимым прояснение еще одного вопроса: была ли эта практика *sine qua non* подчинения различных народов и государств Персии, или она применялась только в особых случаях. Нам представляется более вероятным первый вариант. Требованием земли и воды персы решали сразу несколько задач в своей внешней политике. Во-первых, они получали «новых подданных», т.е. расширяли свою собственную державу, причем без военных действий (на что справедливо обратила внимание Э. Курт¹⁷); во-вторых, они отделяли тех, которые подчинились добровольно от тех, которые должны быть подчинены силой с использованием военных контингентов, предоставленных теми, кто дал Великому царю землю и воду; в-третьих, требование земли и воды давало хорошую возможность персидским царям для проведения политики *разоблачения потенциального противника* с целью его последующего подчинения¹⁸. В этой связи весьма симптоматичным выглядит обращение Ксеркса к греческим полисам, которые уже предоставили землю и воду царю Дарию десятилетием ранее, и, напротив, не направление своих глашатаев с аналогичным требованием в Афины и Спарту по причине их расправы над глашатаями в 491 г. до н.э. (Herod. VII. 133). На этом основании можно предположить, что символическое преподнесение земли и воды повторялось после воцарения каждого царя в Персии и должно было означать возобновление отношений подданства с новым персидским монархом, хотя, конечно, отсутствие собственно восточных письменных свидетельств препятствует окончательным выводам на сей счет. Вероятно, цель

¹⁶ Дж. Коуквелл, например, считает, что этот обычай мог уже существовать при Кире Великом в его политике по отношению к греческим городам (Cawkwell G.L. The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxf., 2005. P. 40, 52). Но это мнение не находит прямого подтверждения в источниках.

¹⁷ Kuhrt. Earth and Water. P. 87–99.

¹⁸ Об этом направлении в персидской политике см. Рунг Э.В. Неофициальная дипломатия Персии и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. 2006. № 12. С. 66–77 (сделан акцент на роль финансовых средств).

персидской дипломатии в отношениях с греками не должна была существенно отличаться от аналогичной в отношениях с другими народами.

Убеждая греков предоставить Великому царю землю и воду и тем самым признать себя его подданными, персидские глашатаи должны были поведать грекам о силе и могуществе царя и о его безграничной империи. Афинский оратор Эсхин сохранил уникальную в своем роде информацию о содержании персидских посланий грекам. Он сообщает, что царь (правда, в этом случае оратор называет Ксеркса) в своих письмах к грекам именовал себя «владыкой всех народов от востока до заката» – ὁ τοῦτων ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γράφειν, ὅτι δεσπότης ἐστὶν πάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυσμένου (Aesch. III. 132. 5). Выражение почерпнуто из действительного письма, содержащего обращение царя Персии к грекам (хотя и не находит дословных параллелей в царских надписях из дворцов Персеполя и Суз). Близкие параллели обнаруживают заявления Дария I и Артаксеркса II о себе как о царях в земле великой и протяженной (DNa. 11–12; A2Hc. 15–20); в надписи Дария I из Персеполя царь говорит о границах своего могущества: от скифов, что за Согдианой, до Эфиопии, от Синда до Сард (DPh. 3–10); а в ряде надписей даже приводится перечень тех стран, над которыми властвовали персидские монархи «милостью Ахурамазды» (DB. I. 12–17; DPe. 5–18; DNa. 15–30; DSm. 3–11; XPh. 13–28).

* * *

Обратимся к некоторым событиям, связанным с требованием земли и воды, которые имеют отношение к грекам. Самый ранний по хронологии случай принадлежит к 514–512 гг. до н.э. – к царствованию Дария I.

Геродот (V. 17–21) сообщает о направлении сатрапом Мегабазом послов в Македонию к Аминте I из семи наиболее знатных персов с требованием земли и воды и убийстве этих послов по приказу сына македонского царя – Александра. Однако Спевсипп в «Письме к Филиппу» считает, что Александр убил послов, которых направил в Элладу персидский царь Ксеркс (Speusipp. Ep. ad Philip. 8); таким образом, он полагает, что подчинение Македонии персами принадлежит к 481 г. до н.э.

Предоставление земли и воды ко времени похода Ксеркса относит и Синкелл в своей «Хронографии» (Syncell. Chronogr. P. 469 Dindorf.). Между тем одни исследователи принимают сообщение Геродота о предоставлении земли и воды еще Аминтой I, другие датируют это событие более поздним временем – правлением Александра I, но, как представляется, общий консенсус достигнут в опровержении информации «отца истории» об убийстве этих послов Александром, сыном Аминты¹⁹.

¹⁹ Недостоверным этот эпизод считает и А.С. Шофман (*Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. 1. Казань, 1960. С. 120; он же. Македонская дипломатия в греко-персидских войнах // Античный вестник. Вып. 1. 1993. С. 102–104*). Ю. Борза объявляет рассказ об убийстве посланцев Дария отражением проэллинистской пропаганды самого Александра и полагает, что Македония подчинилась персам впервые только при Александре I в 492 г. до н.э. (*Borza E.N. In the Shadow of Olympus. The Emergence of Macedon. Princeton, 1990. P. 101–105*). Э. Бэдиан, соглашаясь с теми исследователями, которые говорят о неисторичности убийства персидских послов, тем не менее относит подчинение Македонии ко времени Аминты I (*Badian. Herodotus on Alexander I of Macedon... P.107–120*).

Конечно, в данной работе не место для подробного рассмотрения проблемы историчности сообщения Геродота об обстоятельствах персидского подчинения Македонии, однако следует заметить, что, во-первых, сам эпизод с предоставлениями земли и воды последовательно двумя македонскими царями не выглядит столь уже недостоверным, даже независимо от того, считаем ли мы в итоге историчным убийство персидских посланцев. Такое развитие событий представляется тем более вероятным, что между первым подчинением персами Македонии ок. 512 г. до н.э. и последующим прошел период без малого в тридцать лет, а кроме того, известно о том, что и некоторые другие греческие государства также дважды предоставляли землю и воду – сначала Дарию I, а затем и царю Ксерксу.

Другой пример требования персами земли и воды у греков связан с официальными афинскими переговорами с Персией в 508/7 г. до н.э. Геродот (V. 73) сообщает, что афиняне накануне знаменитых реформ Клисфена, в виду угрозы со стороны спартанского царя Клеомена I, отправили своих послов в Сарды с намерением заключить военный союз с персами (πέμψουσι ἀγγέλλους ἐς Σάρδις, συμμαχίην βουλόμενοι ποιήσασθαι πρὸς Πέρσας). Афинские послы вели переговоры с сатрапом Артаферном, сыном Гистаспа, братом Дария, и получили от него согласие заключить союз, но при том условии, что афиняне решат подчиниться власти персидского монарха. Геродот передает ответ сатрапа Артаферна: «Если афиняне дадут царю землю и воду, то он заключит союз, если же не дадут, то пусть уходят (εἰ μὲν δίδουσι βασιλεῖ Δαρείῳ Ἀθηναῖοι γῆν τε καὶ ὕδωρ, ὁ δὲ συμμαχίην σοὶ συνεθίθετο, εἰ δὲ μὴ δίδουσι, ἀπαλλάσσεσθαι αὐτοὺς ἐκέλευε)» (V. 73). В данном случае земля и вода, конечно, символы подчинения афинян Великому царю Персии.

В историографии наблюдаются различные подходы к общей оценке этой афинской миссии в Сарды²⁰, а кроме того, часто высказывается точка зрения,

²⁰ Так, по мнению У. Хау и Дж. Уэллса, шокирует то, что Афины, главный защитник Греции против мидянина, впервые предложили союз с ним (*How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus, Vol. 1. Oxf., 1912. P. 40*). Э. Уолкер замечал, что в результате предоставления афинянами «земли и воды» была написана первая глава в долгой истории мидизма (*Walker E.M. Athens: The Refrains of Cleisthenes // CAH¹. 1930. Vol. 4. P. 158*). Дж. Холлэдей предполагает, что направление послов в 508/7 г. до н.э. – первый знак мидизма при демократии (*Holladay A.J. Medism in Athens 508–480 BC. // G&R. 1978. Vol. 25. № 2. P. 178*). И.Е. Суриков придерживается иного мнения. В частности, он пишет, что «еще до начала Греко-персидских войн, в подобного рода посольстве не было и не могло быть ничего предосудительного или “предательского”, во всяком случае, не больше, чем в поездках ко двору лидийских царей...» (*Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 71; он же. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 328–329*). Наконец, недавно Р. Бертольд также подчеркивал, что обвинение в мидизме в год посольства полностью некорректно, так как только после Ионийского восстания и битвы при Марафоне и особенно после вторжения Ксеркса отношения с Персией принимают ауру измены, и предательство главным образом начинает ассоциироваться с мидизмом (*Berthold R.M. The Athenian Embassies to Sardis and Cleomenes' Invasion of Attica // Historia. 2002. Bd 51. Ht 3. P. 266*). Действительно, как это вполне очевидно, мидизм и особенно его восприятие греками как предательства характерны в большей степени для эпохи Греко-персидских войн, и можно согласиться с тем, что афинское посольство в Сарды не имело ничего общего с предательством (О мидизме в целом см. *Рунг Э.В. Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35*).

что договор Афин и Персии действительно был заключен в 508/7 г. до н.э.²¹ Однако, по моему мнению, парадокс ситуации в отношении результатов афинского посольства в Сарды заключался как раз в том, что действия афинских послов могли быть по-разному истолкованы в Персии и в Афинах. Для персов, например, согласие на предоставление земли и воды безо всяких дополнительных условий было согласием на подчинение. Для афинян же те же самые действия не означали ничего подобного. Во-первых, как это замечают некоторые исследователи, афиняне могли и не знать точного значения обычая преподнесения земли и воды²². Во-вторых, как это правильно заметил И.Е. Суриков, заключение союзного договора не могло быть полностью в компетенции послов и требовало ратификации властными структурами грече-

²¹ Дж. Холлэдей полагает, что послы имели заранее полномочия предложить землю и воду, если таково будет персидское требование. Последующее же отклонение союза афинянами было вызвано тем, что отпала необходимость в нем в виду неудачи экспедиции Клеомена против Афин (*Holladay. Medism in Athens...* P. 179). По мнению И.Е. Сурикова, договор был заключен, но не был ратифицирован эклесией (*Суриков. Из истории греческой аристократии...* С. 71). В своих недавних работах этот исследователь идет еще дальше, полагая, что афинские послы дали сатрапу Артаферну землю и воду, и этот символический акт означал формальное признание своего подчинения, который оказал значительное влияние не только на дальнейшее развитие отношений между Афинами и Персией и даже на весь ход Греко-персидских войн (*Суриков И.Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 256, 285–286; он же. Остракизм в Афинах. С. 329*). Здесь И.Е. Суриков солидарен с мнением, которое высказал в свое время еще Ф. Шахермейер, назвавший Афины после 508/7 г. до н.э. «городом Великих царей» (*Schachermeyer F. Athen als Stadt des Grosskönigs // GB. 1973. Bd. 1. S. 211–220*). Эту точку зрения развивают также Л. Орлин и Э. Курт, которые, однако, рассматривают события под персидским углом зрения. В частности, Л. Орлин замечает: «...фундаментальной причиной персидских военных действий против Афин было нарушение последними своего статуса как вассала по договору (treaty-vassal), как нарушителя соглашения (contract-breaker); помощь, которую Афины предоставили восставшим ионийским городам, была действием вышедшего из повиновения вассала (a disobedient vassal), который решил вступить в союз с другими неповиновующимися вассалами...» (*Orlin. Athens and Persia ca 507 BC...* P. 265). Э. Курт полагает, что договор был заключен и все еще оставался в силе в тот момент, когда афиняне побуждали персов не помогать Гиппию в его попытках вновь утвердиться в Афинах, и только персидское требование принять назад Гиппия побудило Афины нарушить соглашение и присоединиться к Ионийскому восстанию. Далее, как считает Э. Курт, Дарий в 491 г. до н.э. направлением требования земли и воды дал Афинам шанс восстановить свои отношения с Персией, и когда это не удалось, он уже направил экспедицию, целью которой было приведение к покорности Афин и признания ими персидского царя как своего повелителя. Поражение же при Марафоне послужило одним из предлогов для кампании Ксеркса в 480–479 гг. до н.э. (*Kuhrt. Earth and Water. P. 91–92*). Эти идеи привлекают внимание исследователей тем, что предполагают существование кратковременного периода зависимости Афин от Персии, и если это соответствует действительности, то вносит свои коррективы в мотивацию персидских походов против Греции, которая представлена в античной исторической традиции. Тем не менее исследователи далеко не так единодушны в принятии мнения, что афиняне заключили договор с Персией и тем самым стали подданными Дария I. В частности, Н. Крамер относительно недавно сформулировал основные аргументы против такой позиции (*Kramer N. Athen – keine Stadt des Grosskönigs! // Hermes. 2004. Bd 32. S. 257–270*).

²² *Kelly T. Persian Propaganda – A Neglected Factor in Xerxes' Invasion of Greece and Herodotus // IA. 2003. Vol. 38. P. 177; Wiesehöfer J. 'O Master, Remember the Athenians': Herodotus and Persian Foreign Policy // The World of Herodotus / Ed. V. Karageorgis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 212.*

ского полиса (в данном случае афинской эkkлeсии, которая и направила посольство в Сарды). Геродот прямо говорит, что ратификации не последовало, и в греческом мире не в компетенции послов (если таковые не являлись автократорами) было заключение соглашений без последующего одобрения народным собранием. В данном случае, конечно, послы согласились на персидские условия от своего имени (ἐπὶ σφέων αὐτῶν), а по возвращении на родину они подверглись суровым обвинениям – αἰτίας μεγάλας εἶχον (Herod. V. 73). Впрочем, дальнейшая судьба этих послов нам достоверно не известна²³. В-третьих, насколько можно понять из текста «отца истории» (V. 73), афинские послы в Сардах только выразили согласие предоставить землю и воду – οἱ δὲ ἄγγελοι... βαλόμενοι δίδοναι ἔφασαν; однако для реального подчинения Персии одного согласия, очевидно, было недостаточно: требовалось символическое преподнесение земли и воды, чего, собственно говоря, афиняне едва ли тогда исполнили²⁴. Таким образом, действия афинских послов в 508/7 г. до н.э. отнюдь не означали подчинение персидскому монарху ни с юридической, ни с фактической стороны.

Теперь рассмотрим обстоятельства направления царем Дарием I своих глашатаев в Грецию как одним из мероприятий его подготовки к военному походу в 492/1 г. до н.э. На этот счет Геродот замечает: «После этого Дарий сделал попытку разведать замыслы эллинов: думают ли они воевать или предпочитают сдаться (ὅτι ἐν νόῳ ἔχοιεν, κότερα πολεμεῖν ἐσωτῶ ἢ παραδίδοναι). Для этого Дарий послал глашатаев в разные города по всей Элладе с повелением требовать царю землю и воду (διεπέμπε ὡν κήρυκας ἄλλους ἄλλη τάξας ἀνά τῆς Ἑλλάδα, κελεύων αἰτέειν βασιλεῖ γῆν τε καὶ ὕδωρ). Этих то глашатаев он посылал в Элладу, а других отправлял в приморские города, платившие ему дань, приказывая строить военные корабли и грузовые суда для перевозки лошадей. Эти города – данники взялись поставлять царю эти корабли, а многие материковые города дали прибывшим в Элладу глашатаям то, что им повелел персидский царь. Также поступили и все островные города, куда являлись глашатаи с подобным требованием (τοῖσι ἤκουσι ἐς τὴν Ἑλλάδα κήρυξι πολλοῖ

²³ П. Бикнелл предположил, что в состав афинского посольства в Сарды входил некий Каллий, сын Кратия из Алопеки, связанный по происхождению как с родом Алкмеонидов, так и Кериков, который был изгнан остракизмом предположительно в 486/5 г. до н.э. Основанием для этого мнения исследователя было то, что на некоторых из поданных против Каллия острака он был назван «мидянином» (инвективы на острака Каллия, сына Кратия, отличаются известным разнообразием Μέδος / Μέδων, ἐ(μ) Μέδων, εὐ Μέδων, ἐκ Μέδων, ἥος ἐμ Μέδων ἤκεει: Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v. Chr.) als Testemonien: Ostrakismos – Testemonien / Hrsg. von P. Siewert. Historia. Einzelschriften, 155. Stuttgart, 2002. S. 87–89), а на одном – даже имелась его карикатура в персидском одеянии в виде лучника (Bicknell P.J. Athenian Politics and Genealogy: Some Pendants // Historia. 1974. Bd 23. Nr 2. P. 148). И.Е. Суриков поддержал эту гипотезу П. Бикнелла, полагая, что Каллий, сын Кратия, мог даже возглавлять афинское посольство в Сарды (Суриков И.Е. Два очерка о внешней политике Афин классической эпохи // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. I. Казань, 2000. С. 103–104). Гипотеза возможная, хотя и не находит прямых подтверждений в источниках. С другой стороны, в ее пользу иногда принимается инвектива на остраконе, поданном против Каллия, что он «ходил к мидянам», т.е. в Персию – ἥος ἐμ Μέδων ἤκεει (Суриков. Остракизм в Афинах. С. 75). Но кроме неудачного посольства, конечно, вполне могли быть другие случаи, по которым Каллий, сын Кратия, мог совершать поездки в Азию к царю Дарию и его сатрапам.

²⁴ Kramer. Athen – keine Stadt des Grosskönigs! S. 260.

μεν ἡλειρωτέων ἔδοσαν τὰ προΐσχετο αἰτέων ὁ Πέρσης, πάντες δὲ νησιῶται ἐς τοὺς ἀλκικοῖατο αἰτήσοντες)» (VI. 48–49). Еще К.Ю. Белох усомнился в историчности миссии персидских глашатаев 491 г. до н.э. на том основании, что действительной целью Дария I было наказание Эретрии и Афин за помощь восставшим ионийцам, а не подчинение всей балканской Греции. Реальным же исследователь признает только направление глашатаев Ксерксом в 481 г. до н.э.²⁵ Некоторые исследователи поддержали указанную трактовку событий²⁶. Другие же современные историки, однако, оказывают доверие сведениям Геродота в отношении персидской дипломатической миссии в Грецию в 491 г. до н.э.²⁷ На наш взгляд, также следует поддержать заявление Геродота о посещении глашатаями Дария I греческих полисов в 491 г. до н.э., тем более, что это соответствует выраженному «отцом истории» мнению своих современников о цели персидских походов против греков в 492 г. до н.э. и 490 г. до н.э. Приступая к своему рассказу об экспедиции Мардония против Эретрии и Афин, Геродот пишет: «Города эти явились, однако, лишь предлогом для похода (πρόσχημα ἦσαν τοῦ στόλου). В действительности же персы стремились покорить как можно больше эллинских городов» (VI. 44). В другом месте «отец истории» проводит ту же мысль в сообщении о причинах экспедиции Датиса и Артаферна в 490 г. до н.э.: «Дарий намеревался под предлогом похода на афинян (ἐχόμενος τῆς προφάσιος) подчинить и других эллинов, которые не дали ему земли и воды (μὴ δόντας αὐτῷ γῆν τε καὶ ὕδωρ)» (VI. 94). Следует принять во внимание также то, что Мардоний в 492 г. до н.э. принял тот же маршрут для своего вторжения в Грецию, что и позднее Ксеркс. И если Дарий в действительности и не планировал военное завоевание балканских греков в 490 г. до н.э., направив войска непосредственно против Эретрии и Афин, то это только потому, что ряд греческих государств уже согласились подчиниться. Итак, после неудавшейся экспедиции Мардония Дарий наверняка должен был стремиться обеспечить подчинение греков прежде всего невоенными, дипломатическими средствами – требованием земли и воды (на что правильно обратила внимание Э. Курт). Однако сведения Геродота в отношении первой персидской дипломатической миссии в Грецию 491 г. до н.э., как правильно заметили некоторые историки нашего времени, не свободны от некоторых внутренних противоречий²⁸. Однако эти противоречия нуждаются в объяснении, а не свидетельствуют столь однозначно против историчности миссии персидских глашатаев в Грецию в 491 г. до н.э. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что Геродот сообщает о предоставлении земли и воды

²⁵ *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. Bd. 2. Abt. 1. 2 Aufl. Strassburg, 1922. S. 40. Anm. 6.

²⁶ *Begtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis die römische Keiserzeit. München, 1960. S. 47; *Will Ed.* Le monde grecque et l'Orient. T.1. P., 1972. P. 96–98; *Hignett C.* Xerxes' Invasion of Greece. Oxf., 1963. P. 87. М. Царнт обсуждает различные точки зрения в отношении направления глашатаев Дарием I в Грецию в 491 г. до н.э. и считает, что аргументы против историчности этой миссии более сильные (*Zahrnt M.* Die Mardinioszug des Jahres 492 v. Chr. und seine historische Einordnung // *Chiron*. 1992. Bd 22. S. 276–279).

²⁷ *См. Kraft K.* Bemerkungen zu den Perserkriegen // *Hermes*. 1964. Bd 92. Ht 2. S. 144–153; *Sealey R.* The Pit and the Well: The Persian Heralds in 491 B C. // *CJ*. 1976. Vol. 72. № 1. P. 13–20; *Green P.* The Greco-Persian Wars. Berkely–Los Angeles–London, 1996. P. 29.

²⁸ *Zahrnt.* Die Mardinioszug... S. 276–277.

глашатаям Дария I «многими жителями материка» (πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων) и «всеми островитянами» (πάντες δὲ νησιῶται); в реальности же «отец истории» акцентирует внимание только на подчинении Эгины (VI. 49)²⁹ и персофильской позиции Пароса в связи с Паросской экспедицией Мильтиада Младшего (VI. 133). Поэтому следует задаться вопросами: какие еще греческие полисы выразили готовность подчиниться Персии в тот период; насколько соответствует истине утверждение Геродота о подобных действиях со стороны всех островитян. По мнению У. Хау и Дж. Уэллса, выражение πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων совершенно неясное и, возможно, преувеличенное (the expression is vague and perhaps exaggerated); хотя, как считают авторы комментариев к труду Геродота, заявить о своем подчинении царю Дарию могли Фессалия, Беотия, Аргос и Дельфы³⁰.

Существующие данные подтверждают факт предоставления земли и воды только от фессалийцев и зависимых от них этнических общностей Северной Греции (магнетов, эниенов, перребов, долопов, фтиотидских ахейцев и ряда других) в 491 г. до н.э.³¹ По словам Геродота (III. 96. VII. 108), уже при царе Дарии I вся Эллада, вплоть до Фессалии, была порабощена и платила подать царю, и эти же сведения подтверждает Фукидид (VIII. 43. 3)³²: очевидно, мидизм фессалийцев мог восходить еще или к 513 г. до н.э., или же к 492 г. до н.э.: эти даты выступают как *terminus post quem* для начала отношений лариссейской династии с Персией³³. В первый год подвластными персам стали Фракия и Македония, ко второму относится экспедиция Мардония, когда персидские войска достигли Северной Греции.

Несомненно, 513 г. до н.э. даже более предпочтителен по ряду причин. Во-первых, именно к этому году следует относить персидскую делегацию к Аминте I, царю Македонии, с требованием земли и воды (Herod. V. 17–18), и не исключено, что такая делегация могла посетить также и соседнюю Фессалию. Во-вторых, в поздней исторической традиции сохранились сведения о некой милетянке, гетере Фаргелии, дочери Аксиоха, которая сожительствовала с 14 мужчинами и в конечном итоге стала супругой «царя всех фессалийцев» Антиоха, сына Эхекратида и Диседериды (о нем: Sim. F. 34 Bergk; Theocr. XVI. 34 cum schol.; Ael. Arist. I. 127; Quintil. XI. 2. 14), убедила его занять сторону Персии, а непосредственно после его смерти в течение 30 лет правила в Фессалии и обеспечила прием царя Ксеркса (Plut. Per. 24. 3; Paradox. Gr. 11; Hippias

²⁹ О мидизме Эгины см. подробнее: *Leahy D.M. Aegina and the Peloponnesian League // CPh. 1954. Vol. 49. № 4. P. 235–238.*

³⁰ *How, Wells. A Commentary on Herodotus. Vol. 2. ad. loc.*

³¹ Собственно это и могли быть πολλοὶ μὲν ἡπειρωτέων, которые, согласно Геродоту, предоставили землю и воду царю Дарию I. Объяснения мидизма Фессалии см. в работах: *Westlake H.D. The Medism of Thessaly // JHS. 1936. Vol. 56. P. 12–25; idem. Thessaly in the Fourth Century BC. Cambr., 1935. P. 30; Brunt P. The Hellenic League against Persia // Historia. 1953/4. Bd 2. Ht 1. S. 162–163; Robertson N. The Thessalian Expedition of 480 BC // JHS. 1976. 96. P. 102–108; Keaveney. The Medisers of Thessaly. P. 30–38; Blösel W. Themistokles bei Herodot: Spiegel Athens im fünften Jahrhundert / Historia. Einzelschriften, 183. Stuttgart, 2004. S. 108 ff.*

³² П. Брант полагает, что строки Геродота не должны подразумевать, что Фессалия была подчинена персам (*Brunt P.A. Studies in Greek History and Thought. Oxf., 1997. P. 80.*)

³³ *Westlake. The Medism of Thessaly. P. 15.*

FgrHist. 6. Fr. 3–4; Gorgias ap. Philostr. Ep. 73; Aesch. Socr. fr. 21–22; Suid. s.v. Θαρρηλία; EM. s.v. Θαρρηλία; Hesych. s.v. Θαρρηλία)³⁴.

Смерть Антиоха следует датировать в диапазоне 515–511 гг. до н.э.³⁵ В то же время «10-я Пифийская ода» Пиндара определенно относит политическую деятельность Форака и его братьев Алевадов, которых Геродот (VII. 6) называет «царями Фессалии» (Θεσσαλῆς βασιλῆες), по крайней мере к 498 г. до н.э. (Pind. Pyth. 10). Остается примерно десятилетний период пребывания Фаргелии в Фессалии, после которого она могла стать супругой Форака, сына Алева II, и уже в качестве таковой побудить лариссейского династа предоставить землю и воду сначала глашатаям Дария I, а затем спустя десять лет и глашатаям Ксеркса. Самое раннее свидетельство о дипломатических контактах Форака и его братьев Эврипила и Фрасидея с персами относится к событиям после сражения при Марафоне 490 г. до н.э. По словам Геродота (VII. 6), в год восшествия Ксеркса на царский престол – 486/5 г. до н.э. – послы от Алевадов

³⁴ Первым «царем» Фессалии источники единодушно называют Алева Рыжего, который, согласно традиции, разделил Фессалию на тетрады и установил принципы комплектования войска (Arist. F. 497–498 Rose; Plut. Mor. 492B; Phot. s.v. Ἀλευάδοι; Suid. s.v. Ἀλευάδοι; ср. Wade-Gery H.T. Jason of Pherae and Aleuas the Red // JHS. 1924. Vol. 44. Pt 1. P. 55–64; Светилова Е.И. Образование Фессалийского союза // Античный вестник. Вып. 1. Омск, 1993. С. 91–97). Многие исследователи полагают, что так называемые «цари» были фактически выборными магистратами Фессалийского союза в должности тага (Westlake. The Medism of Thessaly. P. 13–15; Arnheim M.T.W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 58–59; Keaveney. The Medisers of Thessaly. P. 34). Однако Н. Робертсон доказывал, что титул βασιλεὺς не был эквивалентом выборной должности ταγός, но относился, скорее всего, к положению Алевадов как наследственных правителей Лариссы – представителей «местной» δυναστεία (Robertson. The Thessalian Expedition of 480 BC. P. 104–108). На мой взгляд, вполне определенная тенденция античных авторов в утверждении о существовании βασιλεία в масштабах всей Фессалии может свидетельствовать скорее в пользу большей централизации Фессалийского союза, чем то, что обычно предполагают современные исследователи. Едва ли поэтому титул «царь» Фессалии / фессалийцев мог быть эквивалентен титулу выборного магистрата – тага (к тому же сама ταγεία не засвидетельствована в источниках по отношению к VI–V вв. до н.э.).

³⁵ Согласно Г. Уэстлейку, – 515 г. до н.э. Terminus ante quem смерти Антиоха – 511 г. до н.э., когда, по данным Геродота (V. 63), фессалийская конница пришла на помощь Писастратидам во главе с неким своим царем Кинеем из рода Скопадов (из Краннона, если верно исправление топонима Γωνναίων на Κρανώνιον) для ведения военных действий против Клеомена I, царя Спарты. Г. Уэстлейк высказал предположение, что Антиох должен был принадлежать к фессалийской династии Эхекратидов из Фарсала и занимал должность тага Фессалийского союза (фактически же он должен был обладать династической царской властью в Фессалии). Исследователь полагает, что Антиох умер ок. 515 г. до н.э. и Фаргелия могла обладать высшей властью в Фессалии до возвышения Алевадов ок. 486 г. до н.э., когда они направили послов ко двору Ксеркса. По мнению Г. Уэстлейка, Фаргелия могла стать супругой алевада Форака и способствовать, таким образом, установлению контактов лариссейской династии с Персией (Westlake. The Medism of Thessaly. P. 13, 16). Однако Дж. Моррисон, основываясь на целом ряде сообщений античных авторов, предположил, что Антиох, сын Эхекратиды, принадлежал также к роду Алевадов: таким образом, по его мнению, во второй половине VI – начале V в. до н.э. власть в Фессалии должна была находиться все еще в руках представителей династии потомков Алева Рыжего (Morrison J.S. Meno of Pharsalus, Polycrates, and Ismenias // CQ. 1942. Vol. 36. № 1/2. P. 59 ff.). Интересное решение проблемы, в частности, предложил Г. Берве, по мнению которого Эхекратиды, хотя и были связаны родственными узами с Алевадами из Лариссы, могли править в Фарсале (Берве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 229).

прибыли в Сузы и призывали персидского царя совершить поход против Греции – ἀπὸ τῆς Θεσσαλίας παρὰ τῶν Ἀλευασέων ἀπιγμένοι ἄγγελοι ἐπικαλέοντο βασιλεῖα πᾶσαν προθυμίην παρεχόμενοι ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα³⁶. Что же касается других греческих государств, которые выразили подчинение глашатаям Дария I, то их состав не известен. Мы не можем сказать с определенностью, были ли среди них Дельфы, Беотийский союз или Аргос. О мидизме дельфийцев Геродот вообще ничего не сообщает, и даже более того, его описание позиции Дельфов в период нашествия Ксеркса ставит под сомнение то предположение, что историк вообще относил этот полис к числу тех, которые согласились подчиниться персидскому царю³⁷. Фиванцы также, очевидно, предоставили землю и воду только царю Ксерксу; по крайней мере об их прежнем мидизме ничего неизвестно. Поступил ли таким же образом Аргос, неизвестно, но тот факт, что греки в 481 г. до н.э. приглашали аргосцев присоединиться к Эллинскому союзу против Персии (VII. 145; 148–152), предполагает скорее то, что они не предоставили землю и воду Дарию I. Не ясно также, каких островитян Геродот имеет в виду, кроме как жителей Эгины и Пароса, поскольку многие островные греческие полисы стали уже подвластны Дарию I задолго до 491 г. до н.э. – Хиос (VI. 31), Самос (III. 140–149), Лесбос (VI. 31), Тенедос (VI. 31), Лемнос и Имброс (V. 25–26), Фасос (VI. 29. 44. 46–48); другие полисы, однако, отказались подчиниться персам, а некоторые даже оказали сопротивление уже во время похода Датиса и Артаферна против Греции, и, таким образом, надо думать, они также не предоставили землю и воду в 491 г. до н.э. – Наксос (VI. 96), Делос и Тенос (VI. 97, 118), Карист (VI. 99), Родос (Chron. Lind. XXXII. 65–74), возможно, также остров Кос (Hirporc. Ep. 9; 27). Таким образом, утверждение Геродота о том, что πάντες νησιῶται, куда явились глашатаи Дария, предоставили царю землю и воду в 491/0 г. до н.э., по всей вероятности, может быть признано верным лишь отчасти. С другой стороны, так или иначе, но почти все острова Эгейского моря оказались подвластны персам и, вероятно, оставались под властью Персии даже в период с 490 по 480 г. до н.э. Эсхил в «Персах» говорит о власти Дария над рядом греческих островов: Самосом, Лесбосом, Хиосом, Паросом, Миконосом, Наксосом,

³⁶ Традиция о призвании Ксеркса в поход на Элладу находит отражение также в «Фессалийской политике» софиста и историка Крития, который объясняет этот призыв приверженностью местной аристократии персидскому образу жизни: «Все соглашаются, что фессалийцы... были самыми расточительными среди греков в одежде и образе жизни и именно поэтому они побуждали персов напасть на Грецию, восхищаясь их роскошью и расточительностью» (Critias FHG. II. F. 69 = Athen. XII. 33). Эта традиция, представленная у автора второй половины V в. до н.э., имеет более позднее происхождение, ибо объясняет персофильскую позицию фессалийцев не политическими, но социокультурными факторами. П. Брант и Э. Кивни, следуя в некотором роде Геродоту (VIII. 27–33), высказали предположение, что фессалийцы приглашали Ксеркса в поход против Греции, надеясь на помощь персов в борьбе с их традиционным врагом – фокидянами (Brunt. Studies in Greek History and Thought. P. 80; Keaveney. The Medisers of Thessaly. P. 30).

³⁷ Вопрос о позиции Дельф в период Греко-персидских войн специально разбирала О.В. Кулишова, которая справедливо отмечала, что обвинения в мидизме дельфийцев не были отражены в античной традиции и присущи скорее некоторым исследователям XX в., которые говорили о персофильской позиции Дельф на основании изучения материала источников, прежде всего текста Геродота (Кулишова О.В. Дельфийский оракул в Греко-персидском конфликте // ВДИ. 2001. № 3. С. 17; она же. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 255–256).

Андросом, Икаром, Книдом, Лемносом и Родосом (Aesch. Pers. 880–891; о персидском контроле над Миконосом см. Herod. VI. 118). Когда Геродот говорил о том, что «все островитяне» предоставили Дарию I землю и воду, то он, вероятно, находился под впечатлением такого обстоятельства: те островные полисы, которые не присоединились добровольно к Эллинскому союзу после сражений при Саламине в 480 г. до н.э. или Микале в 479 г. до н.э., были обвинены в мидизме и подвергнуты осаде (Андрос: Herod. VIII. 111, 121; Парос и Карист: Herod. VIII. 112, 121; Родос: Plut. Them. 21), хотя прежде заняли сторону Персии под угрозой военного порабощения во время экспедиции Датиса и Артаферна 490 г. до н.э.

* * *

В историографии дискутируется вопрос о том, какой царь Персии направил своих глашатаев в Спарту и в Афины – Дарий I или же Ксеркс³⁸. В пользу Дария существует непосредственное указание Геродота (VIII. 133), но некоторые сообщения более поздних авторов, казалось бы, могут относиться ко времени царя Ксеркса прибытие персидских глашатаев в Афины (Aesch. III. 132. 5; Plut. Them. 6; Suid. s.v. Ξέρξης) и Спарту (Theseus FHG. IV. F. 2 = Stob. Flor. VII. 70). Однако, на наш взгляд, нет необходимости подвергать сомнению сведения Геродота, который недвусмысленно заявляет: «В Афины же и Спарту Ксеркс не отправил глашатаев с требованием земли и воды, и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в баратрон (яму для приговоренных к смерти – Э.Р.), а спартанцы – в колодец и велели им оттуда принести землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности» (VII. 133).

Таким образом, именно в 492/1 г. до н.э. спартанцы принимали глашатаев Дария I, прибывших требовать землю и воду. Действия спартанцев, сбросивших персидских посланцев в колодец – ἔς φρέαρ (Herod. VII. 133) требуют некоторого пояснения. На первый взгляд они производят впечатление импульсивной акции, за которой вскоре последовало раскаяние, вызванное чувством религиозного страха мести со стороны местного героя Талфибия – покровителя глашатаев. Геродот сообщает о том, что в виду неблагоприятных жертвоприношений и в качестве искупления за казнь глашатаев спартанцы решили направить в Сузы, на этот раз уже к царю Ксерксу, своими послами добровольцев – Сперфия и Булиса, из знатных и богатых родов (VII. 134). Однако по сведениям «отца истории», Ксеркс поступил великодушно и отпустил спартанцев назад (VII. 136). Некоторые исследователи датируют эту миссию периодом уже после отражения нашествия Ксеркса в 479 г. до н.э.³⁹ Р. Сили, на

³⁸ К.Ю. Белох признает историчным только посольство в Спарту, которое он датирует 481 г. до н.э. По мнению исследователя, маловероятно, что в 481 г. до н.э. Ксеркс послал своих глашатаев в Афины, которые находились в состоянии войны с персами со времени Ионийского восстания (Beloch. Griechische Geschichte. S. 40. Anm. 6; Will. Le monde grecque et l'Orient. P. 96–98; Hignett. Xerxes' Invasion of Greece. P. 87; критику этой точки зрения: Sealey. The Pit and the Well... P. 13 ff.).

³⁹ Подробнее об этом см., правда, без точной датировки события: Курилов М.Э. О некоторых функциональных особенностях института спартанских глашатаев // ВДИ. 1996. № 4. С. 134–135. В пользу 477 г. как даты миссии Сперфия и Булиса: Hofstetter J. Zu den griechischen Gesandtschaften nach Persien // Beitrage zur Achamenidengeschichte / Hrsg. von G. Walser. Historia. Einzelschriften, 18. Wiesbaden, 1972. S. 98.

наш взгляд, вполне справедливо высказал предположение в пользу даты непосредственно после 486 г. до н.э. – года восшествия Ксеркса на персидский престол. По мнению исследователя, «дата перед 480 г. до н.э. намного более вероятна, чем более поздняя дата, так как спартанцы имели больше причин добиваться персидской дружбы перед тем, как Ксеркс потерпел поражение в своей попытке завоевания европейской Греции»⁴⁰.

Геродот не акцентирует внимания на позицию царя Клеомена I при изложении событий, связанных с убийством глашатаев в Спарте и с ответным спартанским посольством в Персию. Поэтому можно только предполагать, что Клеомен I, вероятно, поддержал действия спартанцев по казни глашатаев (может быть, даже был его инициатором). В соответствии с этой своей политикой он позднее начал войну против Эгины, которую афиняне обвинили в мидизме (VI. 50, 73)⁴¹. Если Клеомен был причастен к казни глашатаев, то его позиция была мотивирована? Вероятно, этот спартанский царь, выступив десятью годами раньше против помощи восставшим ионийцам (V. 49–51), теперь, когда речь шла о подчинении самого спартанского полиса Персии, мог пересмотреть свою прежнюю политику по отношению к Персии⁴². Второй царь Демарат, личный враг Клеомена, если и не выступал открыто против казни глашатаев, то, надо думать, мог не поддержать это решение. Во-первых, Геродот сообщает о том, что вражда Демарата по отношению к Клеомену особенно обострилась во время экспедиции последнего на Эгину (VI. 51). Во-вторых, дальнейшее бегство Демарата, лишённого престола в Спарте вследствие интриг Клеомена и Леотихида, в Персию, ко двору царя Дария I после 491 г. до н.э.⁴³, также едва ли было случайным (VI. 70): оно, вероятно, могло объясняться прежней позицией Демарата по «персидскому вопросу». Смерть царя Клеомена I ок. 488 г. до н.э. могла привести к попыткам спартанцев, возможно неких «друзей» Демарата в Спарте, оправдаться перед персами в смерти глашатаев и к организации миссии Сперфия и Булиса⁴⁴. В этой ситуации спартанские посланники в своей деятельности в Сузах могли найти покрови-

⁴⁰ Sealey. A History of the Greek City-States. P. 201–202. В пользу такой датировки: Cartledge. Sparta and Laconia... P. 173. Д. Хэдья и Л. Митчелл относят миссию Булиса и Сперфия в Персию к 480 г. до н.э. (Hegyí D. Die Formen und Auswirkungen der griechisch-persischen Beziehungen im 5 Jahrhundert v.u. Z. // Kultur und Fortschritt in der Blutezeit der griechischer Polis. B., 1985. S. 113; Mitchell. Greek Bearing Gifts... P. 76).

⁴¹ Во время второго вторжения на остров, осуществленного уже вместе с другим царем, Леотихидом, Клеомен взял заложниками наиболее знатных из граждан и поместил их в Афинах для обеспечения верности эгинцев (Herod. VI. 73). В историографии можно встретить довольно распространенное мнение, что Эгина в 491–490-х годов до н.э. уже была членом Пелопоннесского союза, прежде всего на том основании, что эгинцы наряду с сикионцами предоставили свои корабли Клеомену и Демарату во время их похода против Аргоса (Herod. VI. 92). Это мнение не находит всеобщей поддержки и периодически оспаривается (Leahy. Aegina and the Peloponnesian League. P. 232–243; Figueira T.J. Aeginetan Membership in the Peloponnesian League // CPh. 1981. Vol. 76. № 1. P. 1–24).

⁴² См. Forrest W.G. A History of Sparta. L., 1992. P. 90.

⁴³ О дате прибытия Демарата в Персию: Cartledge. Sparta and Laconia. P. 151.

⁴⁴ Отражением этого нового политического курса в Спарте после смерти Клеомена I было «дело об эгинских заложниках» – обвинение Леотихида в том, что он участвовал в выдаче эгинских заложников-персофилов Афинам. Судебное разбирательство, возбужденное против царя вследствие жалоб эгинцев, определило вину Леотихида; было принято решение выдать его эгинцам вместо заложников, которые содержались в то время в Афинах. Однако впоследствии это решение было отменено, и сам Леотихид предпринял безуспешную попытку добиться возвращения назад эгинских заложников (Herod. VI. 85–86). Установа адукацый

тельство со стороны Демарата, который был способен обеспечить их благожелательный прием царем Ксерксом⁴⁵. Последние соображения являются по большей части реконструкцией, довольно вероятной, и не находят отражения в источниках. Вообще же следует заметить, что спартанцы в отличие, например, от афинян могли в гораздо большей степени рассчитывать на успех в переговорах с царем Персии по целому ряду причин. В частности, их враждебная позиция к Персии при Кире Великом была уже делом прошлого. Неучастие же спартанцев как в Ионийском восстании (V. 49–51), так и в сражении при Марафоне (VI. 105–106, 120), предоставляло возможность для властей полиса оправдаться в глазах Ксеркса за убийство глашатаев Дария в 491 г.

Действия афинян по умерщвлению персидских глашатаев в 492/1 г. до н.э. также нуждаются в некотором объяснении. Дело в том, что афиняне приняли решение об осуждении глашатаев на смерть, видимо, на экклесии. Об этом свидетельствует вид казни – ввержение в баратрон (Herod. VII. 133). Баратрон (τὸ βάραθρον) – яма, куда, по афинским законам, бросали приговоренных к смерти (см., например: Harpocr. s.v. βάραθρον; Ammon. De adf. voc). Некоторые античные авторы упоминают некую псефизму Каннона (τὸ Καννῶνου ψήφισμα), по которой смертной казни через ввержение в баратрон подлежали те, кто был признан виновным в оскорблении афинского народа. По сообщению Ксенофонта, текст псефизмы гласил: «Если кто-либо нанесет оскорбление афинскому народу и если он будет признан виновным в том, что он нанес оскорбление, должен быть предан смерти ввержением в баратрон» (Xen. Hell. I. 7. 20; ср. Craterus FHG. F.5a = Schol. Aristoph. Eccles. v. 1089). Правда, о времени появления такой псефизмы в источниках ничего не сообщается, но определенно, это было древнее постановление афинян⁴⁶.

⁴⁵ Во-первых, известно, что Демарат пользовался определенным авторитетом при царском дворе в Персии. Геродот приписывает ему разрешение династического спора в пользу Ксеркса (Herod. VII. 3), а также сообщает о его советах персидскому царю во время экспедиции 480 г. до н.э. (VII. 101–104; 209–210, 234, 237, 239; VIII. 65). Во-вторых, Геродот сообщает, что даже пребывая при дворе Ксеркса в Сузах, Демарат пытался вступить в контакты со своими согражданами в Спарте и, если доверять «отцу истории», даже предупредил спартанцев о предстоящем походе Ксеркса через тайное послание, доставленное его гонцом (VII. 239; ср. Polyae. II. 20. 1; Tzetz. Proleg. de com. 1). О Демарате см. также Niese B. Damaratus (1) // RE. Bd 4. Hlbd. 8. Sp. 2029–2030; Boedeker D. The Two Faces of Damaratus // Herodotus and the Invention of History (Arethusa. 1987. Vol. 20). P. 185–201. В виду этих событий следует обратить внимание, что Спарта не фигурирует в объяснении Геродотом заявленных Дарием и Ксерком целей их военных походов: в 490 г. до н.э. Датис и Артаферн намеревались покарать Эретрию и Афины за поддержку Ионийского восстания (Herod. VI. 44, 94); в 480 г. до н.э. царь Ксеркс объявил целью своего похода возмездие Афинам за поражение при Марафоне (Herod. VII. 8, 138; Aesch. Pers. 473).

⁴⁶ Высказывалось мнение, что появление закона Каннона может быть отнесено к периоду ок. 508–507 гг. до н.э. и быть связанным с реформами Клисфена (Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. 1. N.Y., 1968. P. 208). По крайней мере, сам Мильтиад также мог быть обвинен по закону Каннона и приговорен к ввержению в баратрон в 489 г. до н.э. (Plat. Gorg. 516 E). О псефизме Каннона и баратроне см. подробнее: Whitehorne J. Punishment under the Decree of Cannonus // Symposium. 1988. P. 89–98; Hall M.D. Even Dogs have Erinyes: Sanction in Athenian Practice and Thinking // Greek Law in its Political Setting: Justification Not Justice / Ed. L. Foxhall, A.D.E. Lewis. Oxf., 1996. P. 83; Todd S.C. How to Execute People in Fourth Century Athens // Law and Social Status in Classical Athens / Ed. V. Hunter, J. Edmondson. Oxf., 2000. P. 34–35, 38–39; Allen D.S. The World of Prometheus. The Politics of Punishing in Democratic Athens. Princeton, 2002. P. 218, 324–325; Ксенофонт упоминает о псефизме Каннона в связи со своим рассказом об «Аргинусском деле» 406 г. до н.э. (Xen. Hell. I. 7. 20).

Находки афинских острака показывают, что Каннон, сына Сибиртия из дема Ламптры, был кандидатом на изгнание на одной из остракофорий 480–470 гг. до н.э.; учитывая редкость имени, следует отождествить его с автором «псефизмы Каннона»⁴⁷. Вполне возможно, что требования персидских глашатаев были признаны оскорблением афинскому народу и афиняне могли принять решение о казни глашатаев по предложению Каннона, который и стал «автором» соответствующего постановления. Павсаний, правда, утверждает, что виновником (αἴτιος) казни персидских глашатаев стал Мильтиад, сын Кимона (Paus. III. 12. 7). Поэтому остается возможность, что будущий «герой Марафона» предложил постановление о казни персидских глашатаев κατὰ Καννώνου ψήφισμα – согласно существовавшей прежде псефизме Каннона. Так что все еще открыт вопрос о том, сам ли Каннон или же Мильтиад внес в народное собрание афинян законопроект о казни глашатаев Дария I. Плутарх сообщает, что афиняне казнили переводчика (ερμηνεύς, δῆλωστος), который находился среди глашатаев, требовавших землю и воду; решение (ψήφισμα) об этом принял афинский демос по предложению Фемистокла за то, что переводчик пользовался эллинским языком при передаче повелений царя (Plut. Them. 6). Контекст сообщения Плутарха, казалось бы, позволяет датировать казнь переводчика уже временем Ксеркса. Однако Л.-М. Вери предположила, что рассказанный Плутархом эпизод следует относить к 491 г. до н.э.⁴⁸ С этим мнением согласились Р. Лони и Дж. Моусли, причем главный аргумент здесь тот, что Фемистокл занимал должность архонта-эпонима уже в 493/2 г. до н.э. (Thuc. I. 93. 3; Dion. Hal. Ant. Rom. VI. 34. 1)⁴⁹; так что он действительно мог оказаться причастен к наказанию персидского переводчика⁵⁰. Это подтверждают также и схолии к Эсхилу, где казнь некоего переводчика-самосца датируется временем Дария I (Schol. Aesch. Pers. 15). На основании вышесказанного можно предположить, что, скорее всего, было два афинских постановления эkkлeсии по делу о персидских посланцах, но, возможно, принятых даже на одном народном собрании. Если принять такой ход событий, то он свидетельствует прежде всего в пользу единодушного решения демоса противостоять Персии. В соответствии с этим решением афиняне накануне битвы при Марафоне обратились за помощью к Спарте.

При изложении обстоятельств посещения персидскими глашатаями Греции в 481 г. до н.э. по поручению Ксеркса Геродот сообщает: «В числе же племен, которые дали землю и воду были следующие: фессалийцы, долопы, эниены, перребы, локры, магнеты, малийцы, фтиотийские ахейцы, фиванцы и остальные беотийцы, кроме феспийцев и платейцев» (VII. 132). Некоторые исследователи полагают, что Геродот не только для удобства изложения, но и с це-

⁴⁷ Об имени Каннона на пяти остраках: Brenne S. Ostrakismos und Prominenz in Athen. Wien, 2001. S. 188–190; *idem*. Die Ostraka... S. 57 (С. Бренн предполагает связь между Канноном на острака и Канноном – законодателем); Суриков. Остракизм в Афинах. С. 545.

⁴⁸ Wery L.-M. Le meurtre des herauts de Darius en 491 et l'inviolabilité du heraut // AC. 1966. Vol. 35. P. 476–477.

⁴⁹ См. Суриков И.Е. Фемистокл: homo novus в кругу старой знати. С. 351 // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. М., 2002. С этой датировкой первого архонтства Фемистокла сейчас соглашаются почти все современные исследователи (ср. Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 170; Lenardon R.J. The Archonship of Themistocles // Historia. 1956. Bd 5. Ht. 4. S. 401–419; Hornblower S. A Commentary on Thucydides. Vol. 1. Oxf., 1991. P. 139).

⁵⁰ Lonis R. Les usages de la guerre entre grecs et barbares. De guerre mediques au milieu du IV siècle av. J. C. P., 1969. P. 64–65; Mosley D.J. Envoys and Diplomacy in Ancient Greece. Wiesbaden, 1973. P. 85.

люю подчеркнуть масштабы мидизма в Греции накануне вторжения Ксеркса объединяет в одном рассказе сведения о тех греческих племенах и общинах, которые, во-первых, предоставили землю и воду Ксерксу еще до его вторжения в Грецию, когда царь находился в Пиерии; во-вторых, подчинились Персии лишь после того, как силы Эллинского союза оставили Темпейскую долину Фессалии; и наконец, в-третьих, перешли на сторону Персии только после сражения при Фермопилах. К такому выводу пришел, например, П. Брант⁵¹. Сам Геродот, казалось бы, в ходе дальнейшего повествования также вносит коррективы в свою информацию о мидизме греков. «Отец истории» замечает: «Ведь потери, понесенные персами от непогоды и в морских битвах при Фермопилах и Артемисии, уравновешивались подкреплениями, прибывшими к царю позднее. Малийцы, дорийцы, локры и все беотийское ополчение, кроме феспийцев и платейцев, а также каристийцы, андросцы, теносцы... присоединились к царскому войску» (VIII. 66). Наконец, Диодор Сицилийский (XI. 3. 2) также замечает: «Энианы, долопы, малийцы, перребы и магнеты выступили вместе с варварами еще тогда, когда войско эллинов находилось в Темпейской долине; фтиотидские ахейцы, локры, фессалийцы и беотийцы перешли к варварам после того, как оно удалилось оттуда». Однако противоречие между первым сообщением Геродота (VII. 132) и другими сведениями «отца истории» (VIII. 66) и Диодора (XI. 3. 2) только кажущееся, поскольку следует различать формальное подчинение греков Ксерксу, выражением которого как раз и было предоставление земли и воды, которое могло произойти еще в 481 г. до н.э., и фактическое подчинение в ходе персидского вторжения в Грецию.

Так, в частности, большинство современных исследователей справедливо полагают, что Фивы, несмотря на предоставление земли и воды в 481 г. до н.э., открыто перешли на сторону Ксеркса только после знаменитого сражения при Фермопилах⁵²; тому существуют некоторые подтверждения в источниках. Плутарх ссылается на сведения Аристофана Беотийского о том, что в составе сил антиперсидской коалиции, направившихся в Темпейскую долину Фессалии в 480 г. до н.э., находился фиванский отряд в 500 человек под командованием стратега Мнамия (Plut. De Her. malign. 31), а Геродот сообщает, что при Фермопилах в числе греков под предводительством спартанского царя Леонида были 400 фиванцев, которыми командовал Леонтиад, сын Эвримаха (VII. 202)⁵³. Мнение «отца истории» (VII. 205) о том, что спартанский царь Леонид держал у себя фиванцев в качестве заложников из-за подозрений в мидизме Фив, едва ли может отражать действительное положение дел; скорее всего, это предположение появилось *post eventum* как следствие распространения информации о переходе фиванцев на сторону Персии после битвы

⁵¹ Brunt. The Hellenic League against Persia. S. 142. См. также Buck R. A History of Boeotia. Alberta, 1987. P. 130; *idem*. Boiotians at Thermopylae // АНВ. 1987. Vol. 1. № 3. P. 56 ff.; De Souza Ph. The Greeks and Persian Wars, 499–386 BC. L., 2003. P. 48.

⁵² Brunt. The Hellenic League against Persia. S. 143; Buck. A History of Boeotia. P. 130; *idem*. Boiotians at Thermopylae. P. 6 ff. P. Сили, однако, относил мидизм беотийцев к 481 г. (Sealey. A History of the Greek City-States... P. 206).

⁵³ По данным Аристофана Беотийского и Никандра Колофонского, фиванцами при Фермопилах командовал Анаксандр (Plut. De Her. malign. 867A = Aristoph. FgrHist. 379. F6; Nicander Colophon. FgrHist. 271/2. F. 35). Р. Бак пытается снять противоречие с данными Геродота о Леонтиаде как командире фиванцев предположением, что Анаксандр был полемархом фиванского контингента, тогда как Леонтиад – беотархом (Buck. A History of Boeotia. P. 129). По мнению этого исследователя, контингент Беотийского союза при Фермопилах состоял из двух отрядов: феспийского (700 чел.) и фиванского (400 чел.) во главе со своими собственными командирами (Р. 132). Дιο-

при Фермопилах⁵⁴. Сообщение Геродота (VII. 233) о том, что оказавшиеся в персидском плену после сражения фиванцы были заклеены царским клеймом по приказу царя Ксеркса, предполагает их статус военнопленных и также не поддерживает высказанного самим же историком мнения об измене фиванцев в ходе самого сражения⁵⁵. В дальнейшем фиванцы оказывали врагу греков значительную помощь; приняли они участие и в битве при Платеях, причем, как признает Геродот, даже показали себя доблестными воинами (IX. 67–69)⁵⁶.

дор (XI. 4. 7), основываясь, вероятно, на сообщении Эфора, полагает, что при Фермопилах сражались представители одной из соперничавших группировок в Фивах, которая выступала против мидизма фиванцев (в пользу этого мнения см. *Cozzoli U. La Beozia durante il conflitto tra l'Ellade e la Persia // RFIC. 1958. Vol. 36. P. 264–287*); однако Р. Бак также опровергает это мнение указанием на то, что фиванцы были регулярным греческим отрядом, вероятно, лохом: в сражении, следовательно, участвовали два феспийских и один фиванский лох (*Buck. A History of Boeotia. P. 132*). Между тем некоторые исследователи соглашались с точкой зрения «отца истории», что фиванцы находились при Фермопилах в качестве заложников у спартанцев, так как принадлежали к персофилам (*Gillis D. Collaboration with the Persians / Historia. Einzelschriften, 34. Wiesbaden, 1979. P. 65; Amit M. Great and Small Poleis. A Study in the Relations between the Great Powers and the Small Cities in Ancient Greece. Bruxelles, 1973. P. 79; Hammond N.G.L. Sparta at Thermopylae // Historia. 1995. Bd. 45. Ht 1. S. 16, 19–20*).

⁵⁴ *Buck. Boiotians at Thermopylae. P. 57*. Геродот проводит мысль, что за политику поддержки Персии были ответственны все фиванцы (*Herod. IX. 87*). Однако позднее сами фиванцы возлагали вину за мидизма на олигархов (*Thuc. III. 62. 3*). Эту же точку зрения проводит и Плутарх в своей полемике с Геродотом (*De Herod. malign. 864d*). См. ниже.

⁵⁵ *Buck. Boiotians at Thermopylae. P. 59*.

⁵⁶ Далеко не случайно, даже спустя более ста лет после завершения Греко-персидских войн, другие предводители фиванцев, добывавшиеся расположения персидского царя в новых политических условиях апеллировали к «старинной» дружбе Фив и Персии. Например, знаменитый полководец Пелопид, победитель спартанцев в битве при Левктре, на переговорах в Сузах 368/7 г. до н.э. напомнил царю Артаксерксу II о прежних «заслугах» фиванцев; в числе прочего Пелопид указывал на то, что фиванцы одни из всех греков (sic!) сражались на стороне персов в битве при Платеях и после этого они никогда не выступали против царя (*Xen. Hell. VII. 1. 34*). Вопрос о прежнем персофильстве фиванцев неоднократно поднимался в IV в. до н.э. теми греками, которые были противниками укрепления фиванской гегемонии как внутри самого Беотийского союза, так и в масштабах всей Греции (см. *Isocr. XIV. 59, 61–62*). Вопрос о мидизме фиванцев возник и во время обсуждения судьбы Фив после захвата города Александром Македонским в 335 г. до н.э. Как сообщает Диодор Сицилийский, основанием для вынесенного решения о разрушении города Фивы было то, что фиванцы некогда в прошлом злоумышляли вместе с варварами против эллинов: при Ксерксе они пошли на Грецию вместе с персами; только фиванцев, единственных из эллинов, персидские цари почтили титулом благодетелей, и их послам приказано было ставить кресла впереди царских (*Diod. XVII. 14*; ср. *Iust. XI. 3. 9–10; Arr. Anab. I. 9. 6–9*). Уже Геродот несколько раз ссылается на титул благодетеля (εὐεργέτης) царя, которые получали за заслуги различные греки (*Herod. III. 139–140; VIII. 85*; позднее, вероятно, «благодетелем царя» стал также и спартанский военачальник Павсаний: *Thuc. I. 129. 3*). Геродот обращает внимание, что по-персидски царских благодетелей звали «оросангами» – οἱ δ' εὐεργέται βασιλέος οροσάγγαι καλέονται (*Herod. VIII. 85*). Как обычно считают, термин «оросанг» происходит от древнеперсидского *varusanka – «широкопрославленный» (*Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 148*). Более или менее точный статус оросангов может прояснить фрагмент анонимного риторика, который ссылался на Нимфида Гераклеяского: «Нимфид Гераклеяский во второй книге “О Геракле” называет оросангами тех, кто имеет привилегию проэдрии, которые на [нашем] языке называются ксенами царя» (*Nymphis ap. Lex. Rhet. P. 83*). Свидетельство Нимфида как раз и проясняет связь титула эвергета с проэдрией – почетным правом первого места на различных торжественных мероприятиях, о чем говорит в отношении фиванцев Диодор (XVII. 14. 2). Примечательно также уподобление Нимфидом царских «благодетелей» – оросангов ксенам, т.е. гостеприимцам в греческом мире.

Кроме фиванцев в списке племен и общин, предоставивших землю и воду Ксерксу в 481 г. до н.э. (VII. 132), первоначальными участниками антиперсидской коалиции могли быть опунтские локры, которые сражались против персов у Фермопил и Артемисия (Herod. VII. 203; VIII. 1; Diod. XI. 4. 6) и малийцы (Diod. XI. 4. 7) – они ранее могли предоставить землю и воду персам. Спартанцы призвали на помощь в район Фермопил отряд в 1000 фокидян (Herod. VII. 203; Diod. XI. 4. 7), которые, очевидно, не предоставили Ксерксу землю и воду, но позднее тем не менее вынуждены были перейти на сторону персов (Herod. IX. 17–18).

В преддверии вторжения Ксеркса в 481 г. до н.э. некие фессалийцы обратились за помощью и поддержкой к Эллинскому союзу против Персии, обещая присоединиться к нему в том случае, если греки придут на защиту Фессалии (Herod. VII. 172)⁵⁷. Присоединение, вероятно, произошло, поскольку, как сообщает Геродот (VII. 173), в Темпейской долине к объединенным силам Эллинского союза пришла на помощь фессалийская конница (ἡ Θεσσαλῶν ἵπλος). Однако когда Александр I, царь Македонии, сообщил о предательстве Алеватов и фессалийцев (τὴν Ἀλεῦου καὶ Θετταλῶν προδοσίαν) (Speusipp. Ep. ad Philip. 8), эллинские союзные войска оставили Темпейскую долину, уже не в силах обеспечить защиту Фессалии; фессалийцы же, как заявляет Геродот (VII. 172, 174), в силу необходимости (ὕπο ἀνάγκης), перешли на сторону Персии. Таким образом, фессалийцы и все зависимые от них племена Северной Греции, побуждаемые своими «царями» Алевадами из Лариссы, в этой ситуации оказались на стороне персов. В дальнейшем фессалийцы принимали непосредственное участие в основных военных операциях персов против других греков, от сражения при Фермопилах, где уже присутствовал фессалийский контингент во главе с самим Фораком (Ctesias FgrHist. 688. F. 13), и вплоть до решающей битвы при Платеях 479 г. (Herod. IX. 58).

Результат персидских дипломатических акций в Греции в 481 г. до н.э. оказался поистине впечатляющим. Существовала традиция, известная уже Геродоту (IX. 32), о том, что в решающем сражении при Платеях в 479 г. до н.э. на стороне персов сражались до 50 тысяч греков, которые характеризуются в источниках (правда, не у Геродота, который говорит о них как об эллинских союзниках Мардония) как τῶν Ἑλλήνων οἱ μηδίσαντες (Plut. Arist. 18. 7; 40 тыс.: Aristodem. FGrHist. F. 1. 2. 3 = P. Оху. XXVII, 2469. s. 2); хотя, конечно же, они далеко не все были добровольными сторонниками персов. Однако справедливости ради следует заметить, что сами персидские дипломатические акции в Греции в 481 г. до н.э., не подкрепленные огромной армией Ксеркса, едва ли увенчались бы таким успехом, обеспечив переход на сторону персов большинства племен и этносов Северной и Средней Греции⁵⁸.

Следует отметить, что некоторые греческие государства, в которые также прибыли глашатаи Ксеркса, могли втайне предоставить землю и воду, но открыто объявить о своем нейтралитете. В числе таких полисов были Аргос,

⁵⁷ Westlake. The Medism of Thessaly. P. 16–17. Э. Кивни также говорит об антиперсидской группировке, которую он называет «patriotic party» или «dissenters», однако он не уточняет ее состав (Keaveney. The Medisers of Thessaly. P. 33–34, 36).

⁵⁸ О персидской политической пропаганде в период Греко-персидских войн см. Kelly. Persian Propaganda... P. 173–219; Рунг Э.В., Холод М.М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. С. 29–42.

Сиракузы, Керкира и города Крита⁵⁹. Этот нейтралитет, однако, был различного свойства, часто он служил прикрытием для полисов, которые в реальности намеревались сотрудничать с персами (правящие круги этих государств надеялись сохранять нейтралитет до тех пор, пока война их непосредственно не коснется, в дальнейшем же они могли рассчитывать перейти на сторону персов). Это вполне хорошо осознавал Геродот, который несколько раз на страницах своего труда определяет нейтралитет в период Греко-персидских войн как *ἐκ τοῦ μέσου κατῆσθαι* – «находиться посередине» (IV. 118; VIII. 22, 73) и *ἡσυχίη ἔχειν / ἄγειν* – «сохранять спокойствие» (VII. 150, 151, 161, 208; VIII. 14). После перечисления собравшихся на Истме для защиты Пелопоннеса греков и рассказа о населении этого полуострова «отец истории» замечает: «Из этих семи племен остальные полисы, кроме уже названных (VIII. 72. – Э.Р.), оставались нейтральными (*τοῦτν ὧν τῶν ἐπτά ἐθνέων αἱ λοιπαὶ πόλεις, παρὰ τῶν κατέλεξα, ἐκ τοῦ μέσου κατέατο*). Если же говорить откровенно (*εἰ δὲ ἐλευθέρως ἔξεστι εἰπεῖν*), они были потому нейтральными, что “мидизировали”» (*ἐκ τοῦ μέσου κατῆμενοι ἐμίδιζον*)» (VIII. 73). Здесь, очевидно, Геродот подразумевает Аргос, который объявил о своем нейтралитете в войне с Персией, но на деле установил дружественные отношения с персами и оказывал им некоторое содействие в 480–479 гг. до н.э. (IX. 12)⁶⁰.

Примечательно, что аргосцы отсутствуют в списке Геродота (VII. 132) предоставивших землю и воду царю Ксерксу в 481 г. до н.э. Однако означает ли это, что они не предоставили эти символические знаки покорности? На этот вопрос трудно ответить определенно. Возможно, аргосцы намерены были отрицать свое предоставление земли и воды, и это дало, с одной стороны, формальное основание пробулам Эллинского союза добиваться присоединения Аргоса к антиперсидской коалиции, а аргосцам, в свою очередь, заявлять о своем нейтралитете (Herod. VII. 145, 148–152; Diod. XI. 3. 4). Хотя, с другой стороны, как мы видели, предоставление земли и воды фиванцами и фессалийцами не явилось препятствием их присоединения к Эллинскому союзу (возможно, греки первоначально были просто неосведомлены об их действиях по установлению отношений с персами или во имя объединения всех греков надеялись первоначально простить мидизм некоторых государств). И хотя Геродот никогда не говорит открыто о мидизме аргосцев, но его повествование содержит как скрытые намеки (VIII. 73; IX. 12), так и конкретные указания на

⁵⁹ О явлении нейтралитета в целом, и в частности в период Греко-персидских войн, можно назвать лишь несколько специальных работ: *Bauslaugh R.A. The Concept of Neutrality in Classical Greece*. Berkeley, 1991. P. 93–98; *Bederman. International Law in Antiquity*. P. 215 ff.; *Viviers D. Hérodote et la neutralité de Crétois en 480 avant notre ère // Hermes*. 1995. Bd 123. S. 257–269; *Troncoso V.A. Die neutralen Staaten in den Perserkriegen und das griechische Völkerrecht // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg im Breisgau / Hrsg. von D. Papenfß, V. M. Strocka*. Mainz, 2001. S. 365–375; *Vanicelly P. Whose Side are you on? // The World of Herodotus / Ed. V. Karageorgis, I. Taifacos*. Nicosia, 2004. P. 199–217.

⁶⁰ О нейтралитете аргосцев см. *Gillis. Collaboration with the Persians*. P. 61–62; *Green. The Greco-Persian Wars*. P. 67; *Mikalson J. Herodotus and Religion in the Persian Wars*. L., 2003. P. 60; *Mattingly H.B. The Athenian Empire Restored: Epigraphic and Historical Studies*. Michigan, 1996. P. 261. С. Хорнблауэр справедливо считает их нейтралитет официальным прикрытием их мидизма (*Hornblower S. The Greek World, 479–423 BC*. L., 1983. P. 81).

персофильскую позицию Аргоса (VII. 150–152). Вообще же к позиции Аргоса в период Греко-персидских войн «отец истории» обращается всего лишь дважды (VII. 148–152; IX. 12), а это значительно реже, чем он говорит, например, о фессалийцах или фиванцах, однако среди таких обращений – подробный рассказ, включающий различные версии отказа аргосцев от приглашения присоединиться к Эллинскому союзу для борьбы с Персией (VII. 148–152): от ссылки на изречение Дельфийского оракула и упоминания тягостных последствий недавней битвы при Сепее⁶¹, до предположения о генеалогическом родстве аргосцев с персами посредством их общего предка – греческого легендарного героя Персея (Herod. VII. 150; FgrHist. 105. F. 3)⁶².

Между тем Геродот предполагает, что нейтралитет аргосцев как раз и мог быть определенным следствием персидских дипломатических акций в Греции. В частности, «отец истории» (VII. 150) передает распространенный в Элладе рассказ о прибытии в Аргос накануне персидского похода против балканских греков глашатая Ксеркса (ἔστι δὲ ἄλλος λόγος λεγόμενος ἀπὸ τὴν Ἑλλάδα, ὡς Ξέρξης ἔλεγχε κήρυκα εἰς Ἄργος πρότερον ἢ περὶ ὀρμηῆσαι στρατεύεσθαι ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα), который обратился к аргосцам со словами: «Аргосцы! Царь Ксеркс говорит вам так: “Мы, персы, считаем себя отпрыском Персея, сына Данаи и Андромеды, дочери Кефея. Мы все-таки, быть может, ваши потомки. Поэтому не подобает и нам воевать против своих предков, и вам в союзе с другими враждовать с нами. Оставайтесь дома и храните спокойствие (ἡσυχίην ἔχοντες). Если мой замысел удастся, то никого я не буду уважать больше, чем вас”»⁶³. Геродот (VII. 152) признает, он получил информацию об этом эпизоде от самих аргосцев, и даже выражает свою неуверенность в отношении историчности этой дипломатической миссии перса в Аргос. Очевидно, «отец истории» не исключает, что эпизод с посольством Ксеркса аргосцы могли придумать, чтобы оправдать свой нейтралитет в период Греко-персидских войн⁶⁴.

⁶¹ Степень воздействия поражения аргосцев в битве при Сепее на внутреннюю и внешнюю политику Аргоса полностью зависит от датировки этого сражения. Как уже было замечено, в современной научной литературе обычно можно встретить две альтернативные даты (520 г. до н.э. или 494 г. до н.э.), каждая из которых находит своих сторонников. Об историографии вопроса см. *Строгоцкий В.М.* О дате битвы при Сепее // ВДИ. 1979. № 4. С. 108–117).

⁶² О мифологизации персидской истории в общественном сознании греков подробнее см. *George P. Barbarian Asia and Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994. P. 47–75.

⁶³ Эсхил персов именует потомками «златоносного рода» (γρυσσογόνου γενεᾶς): схолиасты называют имя Персея (Pers. 79–80 cum schol). Гелланик Лесбосский эпонимным предком персов считал Перса, сына Персея и Андромеды (*Hellani*. FGrH 1a, 4 F. 60). Геродот (VI. 54), упоминая некое персидское предание (ὁ παρὰ Περσέων λόγος λεγεται), говорит о том, что сам Персей и его предки были ассирийцами; далее он также подтверждает известную ему версию о том, что эллины прежде называли персов кефенами, а те – сами себя артеями; персы же получили свое имя от Перса, сына Персея, который был оставлен своим отцом в их стране (VII. 61). В изречении Дельфийского оракула 480 г. до н.э. у Геродота персы именуются «мужи Персеиды» (ἀνδρες Περσείδες) – потомки Персея (VII. 220). П. Джордж считает представление персов перед греками как родственного народа подлинным отражением персидской дипломатической пропаганды (these must be genuine reflections of Persian diplomatic propaganda that presented the Persians to the Greeks of Europe as a kindred people) (*George. Barbarian Asia...* P. 67).

⁶⁴ С. Хорнблауэр, в частности, считает, что ссылка аргосцев на родство (συγγενεῖα) с персами служит оправданию ими своего мизизма (*Hornblower. Greeks and Persians: West against East // War, Peace and World Order in European History / Ed. A.V. Hartman, B. Heuser. L., 2001. P. 51*).

Хотя допустимо и предположение, что рассказ о персидском посольстве в Аргос имел под собой реальные основания, и возникает закономерный вопрос: не является ли глашатай Ксеркса одним из тех посланцев, которые в 481 г. до н.э. посещали греческие полисы с требованием земли и воды? По мнению П. Джорджа, дипломатические претензии Ксеркса на родство с аргосцами должны были быть современны самой войне⁶⁵. В одном из фрагментов анонимного автора причиной отказа аргосцев от участия в войне также выставлено «родство с персами» (πρὸς Πέρσας συγγένειαν) (FgrHist. 105. F. 3).

Однако для современников Геродота одной из наиболее вероятных причин заявленного нейтралитета, но фактического персофильства аргосцев выступает традиционная вражда Аргоса со Спартой, которая породила версию о том, что аргосцы призвали персов в Грецию, поскольку терпели поражение в войне со спартанцами и надеялись любой ценой избавиться от своих проблем (Herod. VII. 152)⁶⁶. Геродот (VII. 151) также предполагает существование договора, устанавливавшего дружбу (φιλίη) аргосцев с Ксерксом. Попытки Геродота обойти молчанием или до известной степени оправдать мидизм аргосцев объяснимы с учетом существования союзнических отношений Аргоса с Афинами на протяжении большей части V в.⁶⁷ В то же время некоторых комментариев заслуживает позиция по отношению к Эллинскому союзу других «нейтральных» полисов. В античной традиции существуют две версии, объясняющие отказ сиракузского тирана Гелона присоединиться к антиперсидской коалиции. Согласно Геродоту, Гелон потребовал лидерство в Эллинском союзе, но получив отказ, занял выжидательную позицию и даже был готов предоставить Ксерксу землю и воду в случае победы персов в войне (Herod. VII. 157–162; Polyb. XII. 26b; Diod. X. 33). Однако наиболее достоверной представляется другая версия: сиракузский тиран согласился на союз с другими греками, но оказался фактически не в состоянии предоставить помощь в виду нападения со стороны карфагенян, которые считались союзниками персов (Herod. VII. 165; Diod. XI. 1. 4–5; 20. 1; Ephor. FgrHist. 70. F. 186 = Schol. Pind. Pyth. I. 146a–b). Современники склонны были сравнивать победу Гелона над карфагенянами при Гимере 480 г. до н.э. с победой над персами при Саламине – эти две битвы воспринимались как события, которые избавили греческий мир от варварской угрозы (Pind. Pyth. I. 71–80; Simonides F.141 Bergk). К тому же несколько уклончивая позиция Гелона могла объясняться довольно просто: вторжение Ксеркса не затрагивало непосредственно интересы сицилийских греков; но в случае бы победы Ксеркса над греками позицию Гелона по отношению к персам нетрудно предсказать⁶⁸. Возможно, такими же мотивами руководствовались керкиряне и города Крита (хотя не ясно, потребовали ли землю и воду у них цари Дарий I и Ксеркс).

Итак, рассмотренный материал показывает, что требование земли и воды, еще раз заметим, во-первых, было одним из средств персидской дипломатии подчинить чужеземные страны (в том числе и полисы греков) без военного

⁶⁵ George. *Barbarian Asia...* P. 67.

⁶⁶ Традиционная вражда Аргоса со Спартой не вызывает сомнения, несмотря на попытки Т. Келли объявить это поздним «мифом» (см. Kelly T. *The Traditional Enmity between Sparta and Argos: The Birth and Development of a Myth* // AHR. 1970. 75. P. 971 ff.).

⁶⁷ Лурье С.Я. Геродот. М.–Л., 1947. С. 77–78. О внешней политике Аргоса в V в. см. Kelly T. *Argive Foreign Policy in the Fifth Century B.C.* // CPh. 1974. Vol. 69. № 2. P. 81–99.

⁶⁸ См. Высокий М.Ф. *История Сицилии в архаическую эпоху*. СПб., 2004. С. 164 сл.

вмешательства, а во-вторых, наиболее четко обозначить лицо врага, т.е. той страны, которая отвергнет персидские требования и окажется перед лицом войны с могущественной Персидской державой. Далее следует заметить, что земля и вода в этом контексте имели сугубо символическое значение – они были знаками подчинения, своеобразными дарами, приносимыми персидским царям от стран, изъявлявших покорность завоевателю и, возможно, первоначально используемых также в процессе принесения клятв верности. Требование земли и воды действительно оказалось достаточно эффективным средством для подчинения царями Дарием и Ксерксом большей части островной и материковой Греции; однако после первых побед греков персы отказались от «дипломатии принуждения» в пользу более гибких форм и методов дипломатического воздействия на греков, среди которых прочно заняло свое место использование значительных финансовых средств. По крайней мере после 480 г. до н.э. из античной традиции исчезают упоминания о персидских требованиях земли и воды у греков.

THE PRACTICE OF GIVING EARTH AND WATER IN GRECO-PERSIAN RELATIONS

E. V. Rung

The article is devoted to Persians' demand from the Greeks to give earth and water to denote their subjugation to the Great King. These things were among the customary gifts which the cities and peoples brought regularly to Darius and Xerxes during the expansion of the Persian Empire in the late 6th and early 5th century BC. The Persians who received earth and water hoped to avoid unnecessary military invasions and those who gave that to them wanted to save their territory, and cities from being devastated by the Persians. Earth and water themselves were symbols of state and might have been used in the rituals of oath-giving.

Earth and water were demanded by the Persians during the Athenian embassy to Sardis in 507 BC as well as in the course of the missions of heralds sent to Greece by Darius I and Xerxes. In 507 BC the Athenians seeking for alliance with the Persians were not in fact able to give earth and water. Meanwhile, various Greek states (except the Athenies and Sparta) were ready to accept subjugation to the Persians in 491 BC. In 481 BC most Balkan Greek states gave earth and water on the eve of Xerxes' great invasion in Greece and even provided the Persians with auxiliary troops.

However, decisive Greek victories in the Persian Wars changed the Persian diplomatic practice in relation to the Greeks. As a result, the demand for earth and water ceased to be a significant factor in Greco-Persian relations and is not reflected in our sources.